

About the authors

Prof Larisa Ratsiburskaya, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: racib@yandex.ru

Elena Zhdanova, Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru

УДК81'276.3-053.2

О. Н. Варламова

19

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В ОБЩЕНИИ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Рассматривается понятие перформатива, его первичные признаки и свойства. На основе анализа аудио- и видеоматериала определяются вторичные формы проявления перформативных высказываний в диаде «мать-ребенок» и особенности их употребления в речи. Данный тип высказываний рассматривается как характеризующий речь женщины в социально-релевантной роли матери.

This article analyses the concept of performative utterance, its primary characteristics, and properties. Audio and video sources are employed to identify secondary forms expressing performative utterances in the mother-child communication and to examine the use of such utterances in the speech. This type of utterances is considered as characteristic of the speech of a woman performing the social role of a mother.

Ключевые слова: материнское общение, социальная роль матери, речевой портрет, перформатив, имплицитный перформатив.

Key words: mother-child communication, social role of mother, speech portrait, performative utterance, inexplicit performative.

Термин «перформативность» был введен в лингвистическую науку Дж. Остином в 1965 г. [3]. В современной лингвистике отсутствует однозначное определение данного понятия в связи с многообразием подходов к его трактовке. Однако в самом общем виде перформативность рассматривается как специфическое свойство некоторых глаголов, формирующих эксплицитные перформативные высказывания. В понятийном аспекте «перформативность соотносится с исполнением определенных актов, а именно исполнением театральных или ритуальных речевых действий, материальным воплощением посланий в “акте письма” (в том числе компьютерного), а также процессом интерпретации своего представления в акте чтения и т. д.» [10, с. 142].

Традиционно глагол считается перформативным, если для него возможно употребление в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.

действ. залога, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого глаголом действия: *Благодарю, Приветствую* и др. Если же такое совпадение не имеет места, то глагол называется дескриптивным или констативным: *Я работаю как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю* [4]. Главным условием определения высказывания как перформативного является соблюдение координат общения «я-ты-здесь-сейчас». Изменение или утрата одного из компонентов ведет к трансформации высказывания в дескриптивное: я прошу *тебя* об этом — перформатив, просьба, я прошу *его* об этом — дескриптив, я *целый год* прошу тебя об этом — дескриптив. Опираясь на условия, определяющие высказывание как перформативное, Н. И. Формановская вслед за В. В. Богдановым выделяет следующие свойства данного типа высказываний:

- 1) эквивалентность, то есть равенство действию;
- 2) неверифицируемость, то есть непроверяемость по критерию истинности/ложности;
- 3) автореферентность, то есть одновременность факта языка/речи и факта действительности — реального действия, изменяющего отношения в мире;
- 4) автономинативность, то есть название самого себя, особенно в прямых речевых актах;
- 5) эквитемпоральность, то есть совпадение времени говорения и времени действия [1, с. 227].

В исследованном нами материале встретился особый тип коинциденции, который совпадает с классическим понятием перформативности, по Н. И. Формановской, по двум признакам: автореферентность и эквитемпоральность. Речь идет о побудительных высказываниях в диаде «мать-ребенок», в которых номинация действия совпадает по времени и месту с самим каузируемым таким образом действием. Отличие от классических примеров перформативности только в том, что такие действия не связаны с собственно локутивными глаголами. Например, мать говорит: *Ручки поднимаем* и в этот момент поднимает руки ребенку.

Решая задачу классификации данного явления коинциденции, мы пришли к выводу, что такие случаи можно считать вторичной (или периферийной) формой реализации категории перформативности, тем более что есть исследования (например, труды А. И. Изотова), где подобного типа высказывания с высокой степенью побудительности категоризируются как «скрытые перформативы» [5].

Уже отмечалось, что общепринятой формой выражения перформативности является употребление перформативного глагола в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. действ. залога. Мы разделяем точку зрения Н. И. Формановской о *первичности* данной формы [1]. Но у некоторых глаголов есть еще несколько форм, допускающих реализацию перформативной функции. Такие формы мы назовем *вторичными*. К ним мы отнесем как собственно перформативные глаголы, так и другие перформативные формулы, в том числе включающие неглагольные лексемы [4].

Материалом для нашего исследования послужили фрагменты аудио- и видеозаписей общения матерей со своими детьми в возрасте от 0 до 3 лет в ситуации проведения гигиенических процедур — как перед сном, так и в течение дня (умывание, обтирание, купание и др.). Данная ситуация выбрана нами, поскольку в ней отражается тесный эмоциональный и физический контакт матери и ребенка, а также в связи с тем, что она представлена в каждой возрастной группе, релевантной для нашего исследования: 0—1 год, 1—2 года, 2—3 года.

Применительно к теме нашего исследования мы выделяем следующие грамматико-морфологические проявления «скрытой» перформативности, в ряде случаев дополняемые невербальным сопровождением.

1. Употребление словоформы *давай / дай* (глаголы *давать / дать* в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.) в сочетании с другим глаголом в следующих формах: 1-го л. мн. ч. буд. вр. сов. вида (пример 1), 1-го л. ед. ч. буд. вр. сов. вида (пример 2), 1-го л. мн. ч. несов. вида (пример 3).

(1) Давай головочку поднимем.

Данное высказывание мы можем охарактеризовать как перформативное, принимая во внимание в том числе невербальную составляющую общения — одновременно с произнесением высказывания мать помогает ребенку поднять голову. Соответственно, реплика, которую мать позиционирует как призыв к действию, на самом деле обозначает уже совершающееся действие, следуя типичной для перформативов формуле слово = действие. При данном способе образования перформативного высказывания сохраняется элемент первичной формы перформативности — употребление глагола в форме 1-го лица, однако в речи адресанта (матери) используется так называемый псевдосовместный агентив [6; 7]: с одной стороны, ребенок воспринимается матерью как полноценный субъект действия, с другой — мать отождествляет себя с ребенком, помогая совершать/совершая какое-либо действие за него; как следствие, глагол *поднимать* стоит в форме множественного числа.

(2) Дай посмотри, дай посмотри твой маникюр.

Данная реплика содержит не призыв к действию, а волеизъявление, что выражается грамматически. Мать обозначает субъектом действия себя отдельно от ребенка, употребляя глагол *смотреть* в форме 1-го л. ед. ч. Кроме того, интенция матери еще более усиливается использованием в форме повелительного наклонения глагола совершенного вида *дать*. Более мягкая форма, выражающая призыв к действию, заключается в использовании глагола несовершенного вида *давать* (пример 1).

(3) Давай будем отдыхать на коврике, давай.

В данном высказывании выражается призыв к действию при помощи лексемы *давай* в сочетании с глаголом в форме будущего времени

несовершенного вида. Несмотря на формулу «я-ты-здесь-сейчас», в высказывании появляется идея протяженности действия, что передается использованием несовершенного вида глагола. Н. Д. Арутюнова писала о способности перформативов иметь процессуальное значение и одновременно быть лишенными длительности, относя свойства протяженности и точности к разным аспектам происходящего: как речевой акт перформатив всегда имеет протяженность, а как «социальный акт, программирующий будущее», является точечным действием [8, с. 176]. Интенция призыва усиливается редупликацией — повторяется иницирующая глагольная форма *давай*. Перформативность фразы заключается в ее невербальном сопровождении: одновременно мать перекладывает ребенка на пеленальный столик.

(4) *Та-ак, сёчки помыли еще раз. Губки, губки давай.*

В данной реплике употреблен глагол *давать* в сочетании с существительным. Этот факт мы можем объяснить использованием эллипсиса. Высказывание произносится в процессе умывания ребенка, происходит переход действий от умывания щек к протиранию губ. Следовательно, имея целью начать следующее действие, мать опустила смысловой глагол в своей фразе, которую мы можем восстановить следующим образом: *Губки, губки давай (протирать / протрем)*.

2. Употребление словоформы *давай/дай* (глаголы *давать/дать* в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.) в сочетании с существительным.

(5) *Давай пальцы, давай.*

Данный способ следует отличать от предыдущего, поскольку синонимом словоформы *давай* в данном контексте будет глагол *протянуть*, а значит, интенцией матери по отношению к ребенку является инициация его действия, что выражается формой повелительного наклонения глагола. Одновременно с произнесением данной реплики мать сама берет ребенка за руку, сохраняя соответствие высказывания и действия и как бы самостоятельно выполняя иницируемое действие за своего ребенка.

3. Глагол совершенного вида в форме 1-го л. мн. ч. буд. вр.:

(6) *Сейчас поменяем штаны, сейчас поменяем.*

В высказывании указанная форма глагола сочетается с наречием времени *сейчас*. О невозможности употребления подобных дейктических указаний в перформативных высказываниях писал Ю. Д. Апресян, однако в качестве исключения приводил пример возможного употребления: «*Сейчас я прошу тебя уйти*» [4, с. 205]. В нашем примере наречие времени *сейчас* в сочетании с глаголом совершенного вида в форме 1-го л. мн. ч. буд. вр. имеет значение не протяженности, а результата действия, который должен проявиться в ближайшем будущем. Поскольку

процесс переодевания ребенка сопровождается данной фразой, которая в косвенной форме выражает сам процесс (*Я тебя переодеваю*), мы считаем данное высказывание перформативным.

4. Глагол совершенного вида в форме 1-го л. мн. ч. прош. вр.:

(7) *И-и-и – поправили ручку.*

В данном высказывании междометие является символическим началом действия, производимого матерью, а результат этого действия выражается как невербально (приведением руки ребенка в комфортное положение), так и лингвистически – употреблением формы прош. вр. глагола в 1-м л. мн. ч. Посредством использования данной формы глагола мать отождествляет себя с ребенком, позиционируя его как субъекта действия.

Отметим, что в ситуации проведения гигиенических процедур нами не была обнаружена первичная форма перформативных высказываний. Мы можем предположить, что, используя маркеры выражения именно скрытой перформативности, мать способствует формированию некоторых коммуникативных умений, описанных Н.Д. Арутюновой [8], а именно: формированию зоны совместной интенциональности с партнером по взаимодействию.

Исходя из проведенного анализа теоретического и речевого материала, мы можем сделать вывод, что в речи матери, обращенной к ребенку в возрасте до 1 года, можно выделить особый тип высказываний, который по своей организации и семантике близок к перформативным высказываниям по признакам автореферентности и эквитемпоральности, а также имеет чрезвычайно высокую степень побудительности. Такие высказывания мы предлагаем считать скрытыми перформативами, которые имеют свои специфические морфологические и невербальные проявления, свойственные именно материнскому общению.

Список литературы

1. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.
2. *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105–167.
3. *Остин Д.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.
4. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
5. *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Брно, 2005.
6. *Колмогорова А.В.* «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции. М., 2012.
7. *Колмогорова А.В.* «А чьи там такие сёчки?», или ценностные доминанты «Мы-образа» в русской культуре через призму общения матери с ребенком // Слово.ру: балтийский акцент. 2015. №1. С. 32–48.
8. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

9. Колмогорова А. В. Практики общения матери с ребенком: к вопросу о сущности коммуникативной компетенции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. №3. С. 91 – 98.

10. Лучинская Е. Н., Сизоненко И. Б. Перформативность судебного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 1. С. 142 – 146.

Об авторе

Ольга Николаевна Варламова – асп., Сибирский федеральный университет, Красноярск.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

24

About the author

Olga Varlamova, PhD student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

УДК 398.23; 811.161.1

М. А. Евстафьева

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЧЕРНОГО ЮМОРА*

Культурное явление, определяемое как черный юмор, тематически организовано по полевому принципу и ориентировано на основные шесть тем: смерть и всё, что с ней ассоциативно связано, разрушение физиологической целостности человека, страх перед опасностью, угрозы близким, социальные катастрофы, «некрофильство». При этом во всех случаях активно реализуется игровой принцип.

Wry humor as cultural phenomenon thematically is organized as a semantic field and focuses on six major components: death and associated with it, destruction of human physiology, fear of danger, threats to beloved ones, social catastrophes, necrophilia. A "play principle" is actively being implemented in all these cases.

Ключевые слова: семантическая область, ключевой концепт, черный юмор, анекдот, русские заветные сказки, метонимия, прагматика, игра.

Key words: semantic closeness, key concept, wry humor, anecdote, Russian sacred tales, metonymy, pragmatics, play.

До настоящего времени феномен черного юмора рассматривался лишь в частных аспектах, да и сама его история видится исследователям по-разному. С одной стороны, высказывается мнение, что как культурное явление он определился примерно на рубеже XIX – XX вв. сначала

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант № 16-04-00034 «Язык и познавательные эффекты “черного юмора”».